А. Л. БЕМ

<Рец. на кн.:> Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского

Л.: Прибой, 1929

Первая часть книги дает новую концепцию того типа романа, который был создан Достоевским, вторая посвящена стилистике Достоевского. Большое достоинство работы — ее цельность и продуманность. Мешает только предисловие, в котором выраженные в книге взгляды искусственно соединены с социологическим пониманием художественного творчества, а также некоторые уклоны в самой книге (с. 30, 213, 241), из этого следующие.

Автор называет созданную Достоевским новую форму романа «полифоническим романом». В основе этого определения лежит верное, отмеченное, впрочем, не только автором, наблюдение, что знаменательнейшей особенностью романов Достоевского является «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов» (с. 8). Заслуга автора состоит не столько в этом общем наблюдении, сколько в последовательном анализе романов Достоевского, проведенном с этой точки зрения. Даже при ином мнении относительно частностей надо констатировать, что Бахтин дает законченную систему понимания творчества Достоевского. Он объясняет характерную для Достоевского относительную свободу и самостоятельность «героя» и его независимость от автора; проводит интересный анализ «идеи» в творчестве Достоевского, подчеркивая ее необусловленность идеей автора и его индивидуальной идеологией; наконец, он делает ряд удачных стилистических наблюдений над произведениями Достоевского — «Бедными людьми», «Двойником», «Бесами», «Братьями Ка-

рамазовыми». Вместе с тем, выдвигая «полифонию» как основную черту творчества Достоевского, Бахтин склонен так заострять свое утверждение, что вообще отрицает единство автора, стоящее за всем этим многообразием чувств и мыслей героев. У Достоевского, полагает он, «с точки зрения безучастного “третьего” не строится ни один элемент произведения. В самом романе этот “третий” никак не представлен. Для него нет ни композиционного, ни смыслового места» (с. 28—29).

Мне уже приходилось подчеркивать именно композиционную роль этого «третьего», так часто у Достоевского встречающегося (см.: «Тайна личности Достоевского» в сборнике «Православие и культура». Берлин, 1922. С. 187). Я имею в виду того «наблюдателя чужой жизни», который нередко повествует о действии в романах Достоевского. «Этот странный наблюдатель чужой жизни собственно есть единственное лицо, в себе вмещающее всю сложную трагедию человеческих страстей», — к такому выводу я прихожу в названной работе.

Верно подмеченная внешняя черта построения романов Достоевского не находит все же окончательного прояснения. «Надсловесное, надголосовое, надакцентное единство полифонического романа остается нераскрытым», — такой упрек делает Бахтин другим исследователям Достоевского (с. 52), но он сохраняется в полной мере и после появления его работы.

Много ценных выводов содержит вторая часть. Первая глава о «типах прозаического слова» может быть интересна для лингвистов, поскольку в ней подчеркивается значение чужих голосов в построении речи («двуголосое слово», ориентированное на чужую манеру говорить). Наблюдение автора над характером речи в произведениях Достоевского может многое добавить к изучению стиля писателя. У Достоевского, пишет он, «явно преобладает разнонаправленное двуголосое слово, притом внутренне диалогизированное и отраженное чужое слово: скрытая полемика, полемически окрашенная исповедь, скрытый диалог» (с. 133). Все это подтверждается также новыми историко-литературными работами о Достоевском (Виноградов, Тынянов, мои работы)[1]. Особенно интересным нам представляется стилистический анализ «Двойника», во многом дополняющий известную работу В. Виноградова по этой теме.

К сожалению, общей установкой бахтинской работы обусловлена недооценка специфики стиля Достоевского в том случае, когда присутствие собственно Автора невозможно отрицать: стиль церковных преданий, церковной исповеди и поучения — ничто

из них не обнаруживает «многоголосия». Недооцененным остался также стиль таких произведений, как «Хозяйка» или «Село Степанчиково». Это, однако, не умаляет явного интереса и ценности новой работы о Достоевском.

1929